

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Деревня Вишняковка утонула в сугробах. Снег лежал везде: он завалил дома и огороды, соседние перелески и островки кустарника. Складки местности практически не просматривались. Околица деревни превратилась в неодолимый снежный вал.

Группа лейтенанта Шубина разделилась, ползли по одному, собрались только у крайнего участка. Домовладение было заброшено, изба сгорела. Словно покалеченная зенитка — дулом в небо, торчал обугленный дымоход. Пожар случился не вчера, запах гари давно развеялся.

В глубине деревни лениво таяла собака. Ночь еще не кончилась. Мороз пощипывал щеки, их постоянно растирали шерстяными рукавицами.

— Деревня не маленькая, товарищ лейтенант, — отчитался сержант Лазаренко — крупный, но подвижный малый, отправившийся на фронт напрямик из рядов московской милиции, — дворов тридцать или даже больше. Население — в наличии, но все попрятались в избах.

Дымок кое-где курится. Дорогу с запада немного расчистили — значит, немцев ждут. Вы уверены, что это единственная дорога, товарищ лейтенант?

— Уверен, сержант. На семь верст в округе нет других дорог. Сплошь леса и... непонятно что. Дорога из Бутова в Вишняковку — единственная артерия, по которой могут подойти немцы.

— Местность в низине, товарищ лейтенант, — напомнил красноармеец Левашов, немногословный, головастый. — Тут снег до лета не растает. Немцам на бульдозерах пробиваться придется.

— Если надо, пробьются, — отрезал Глеб. — Подобные картины мы уже наблюдали. А нет бульдозеров — местное население организуют. Лопаты в деревнях еще не кончились. Вишняковку надо осмотреть.

Находиться в неподвижной позе было невыносимо. Даже в валенках и теплой одежде хотелось постоянно двигаться. Немцам в этом плане было еще хуже. На долгую войну командование вермахта не рассчитывало. В войсках отсутствовало необходимое обмундирование. Солдаты не были обучены действовать в зимних условиях. Но вражеское наступление продолжалось, и над Москвой нависла угроза.

Красная армия была уже не та, что полгода назад. В войска поступало теплое обмундирование, шире использовалось автоматическое оружие. Утепленные маскхалаты в разведывательных

подразделениях уже не были диковинкой. Разведчики сливались со снегом. Капюшоны надвинули на ушанки, затянули резинками. Каждый человек как капуста с кучей одежек. Мешали лыжи, но как без них в этом снежном царстве? Лыжи были короткие, широкие, как снегоступы, с примитивными креплениями. Их приторачивали к вещмешкам параллельно земле, чтобы не стучали по ногам во время ходьбы.

Бойцы зарылись в снег, ждали приказа. Восемь невнятных бугорков, размытые лица. У всех — автоматы «ППШ», гранаты, ножи и даже глушитель братьев Митиных, крепящийся к стволу нагана, — один на всю группу. Рацию не брали — лишняя обуза, до своего расположения десять верст — не такой уж крюк.

Глеб прислушался. Собака перестала тявкать, слышались невнятные голоса: в морозном воздухе звук распространялся, как по воде, ясно и далеко. Немцы в темное время суток наступать не любили — разводили костры, жгли солярку и грелись. Если встречались деревни с целыми избами, набивались в них, как селетки в бочку, и до утра — никакой войны. Зима 41-го года выдалась для них, мягко говоря, негостеприимной.

— Лазаренко, веди свою группу северной околицей. Мы пойдем южной, встречаемся у центральной избы. Да не шуметь там, не нравится мне что-то здесь...

Нога еще побаливала: повредил три недели назад, когда освобождали генерала Беспалова. Идти пешком — еще ничего, но во время бега конечность начинала ныть, напоминая о том печальном дне, когда из группы выжили только трое. За три недели утекло много воды, война разбросала людей, Шубин оказался во 2-й Московской дивизии, прикрывающей северо-западное направление. Контингент был пестрый, дивизия на восемьдесят процентов состояла из ополченцев. И это стало нешуточной проблемой. Даже лучшие из этого необученного болота — все равно ополченцы!

Он полз по снегу, экономя дыхание. Деревня лежала в низине, под снежным саваном. Небо в этот год было щедро на осадки. Формально зима еще не началась, на дворе 21 ноября, но снега выпало — больше уже и не надо. Он был рыхлый и тяжелый, скатывался в комки — увы, не тот снег, по которому скользишь, как на санках.

Избы сгрудились, их окружали голые деревья. Немцы в деревню не входили — их Шубин почувствовал бы за версту. Разведчики ползли следом: красноармейцы Левашов и Вербин, ефрейтор Гончар. Первые двое — ополченцы, но способные; первый всю осень служил в подразделении гражданской обороны, тушил пожары, сбрасывал зажигалки с московских крыш. Случались стычки с вражескими корректировщиками. Бо-

рис Вербин — студент консерватории по классу рояля, но не изнеженный интеллигент. Хотя в семье все было как положено: папа — декан, мама — директор балетной школы. Жизнь Бориса определялась не только музыкой, он занимался боксом, лыжами, бегал кроссы. Ефрейтор Гончар — темноволосый, постоянно бледный — воевал в кадровых частях с середины лета. Оттого, видать, и бледный — насмотрелся такого, что людям видеть не положено...

Группа Лазаренко ушла во мрак. В ней было три человека, помимо сержанта: Гулыгин, Карабаш и Лапштарь. И та же история — только двое, Лазаренко и Гулыгин, были кадровыми военными.

Через плетень проползли, как через порожек, — он едва выступал над снежным покровом. Дальше шли на четвереньках. Наделы сельчан не везде смыкались — обозначился проход между скособоченными оградами. Ноги тонули в снегу, шли медленно. Эта часть деревни казалась вымершей, чернели просевшие в землю строения. Снег нависал над стрехами, придавливал крыши. Пахло дымком. Где-то в стороне разговаривали люди. Чужаки в деревню пока не прибыли.

Шубин первым выбрался к дороге, присел за скособоченной трансформаторной будкой — яркой приметой гибнущей цивилизации. Обозначилась деревенская улица, она же единственная ар-

терия, связывающая несколько населенных пунктов. В пределах деревни дорогу почистили. Она убегала на запад — взбиралась на покатый холм, терялась в еловом лесу. На восток еще не прочистили — руки не дошли. Лазаренко был прав: не для себя старались.

Глеб присел за будкой, осмотрелся. В спину дышал Гончар, обходился без комментариев. Дорога была сравнительно широкой. Привести такую в порядок — и можно всю армию провести. Вдоль заборов высились рукотворные сугробы. Шубин бросил через плечо: всем оставаться на месте, не отсвечивать. Разведчики послушно отступили в переулок, отполз Гончар.

На другой стороне что-то происходило. Глухо смеялась женщина, потом захлопнулась дверь, и смех затих. Наперебой заговорили мужчины, потом тоже замолчали. Проплыла над оградой шапка-ушанка, скрипнула дверь сарая. Справа на дороге появились двое, двигались на запад. Коренастые мужики в телогрейках — они прошли мимо, негромко переговариваясь, зашли в калитку. На крыльце обстучали ноги, заскрипела дверь.

— Петрович, когда ты ее смажешь? — проворчал недовольный голос.

Изба была вместительной. Она смотрелась опрятно, в отличие от соседних. Дорожку к крыльцу недавно прочистили, как и скаты крыши. На крыльце мерцал огонек папиросы. Люди на морозе

долго не курили, несколько затяжек — и обратно в дом. Потом из избы вышла женщина, быстро просеменила по дорожке, отперла калитку и побежала по деревне. Стало тихо, только из избы простекал монотонный гул.

— Товарищ лейтенант, скоро немцы появятся, на Клин пойдут, — забормотал в спину Гончар. — Местные предатели их ждут, хлеб-солью встречать собираются. Не сожгли наши эту деревню, недоглядели...

Увы, не в каждом населенном пункте оккупантов встречали как должно — огнем из берданок, злобой и презрением. Недовольных советскими порядками скопилось предостаточно. Одни ненавидели большевистскую власть, подарившую народу колхозы, другие тряслись за свою жизнь. Откуда взялись все эти люди, еще вчера — законопослушные, преданные революции граждане?

Масла в огонь подлил приказ Ставки ВГК № 428 четырехдневной давности. Документ предписывал лишать германскую армию возможности останавливаться в селах, выгонять захватчиков на холод в чистое поле, выкуривать из теплых помещений и убежищ. С этой целью в немецкий тыл забрасывались диверсионные группы — разрушать и сжигать дотла населенные пункты, пригодные для постоа немецкой армии.

Напротив выделялся такой же переулочек, в нем обозначились смутные фигуры — сержант Лаза-

ренко и его часть группы. Разведчики залегли, лишь один силуэт колебался в морозном воздухе. Глеб оторвался от будки, показал на избу. Наблюдатель отозвался условным знаком: понял вас.

Несколько человек перебежали дорогу, присели под оградой, слились с сугробами. С другой стороны перебрались бойцы Лазаренко, разбежались по задворкам. Глеб отомкнул калитку и побежал, пригнувшись, к крыльцу.

— Вербин, за мной, остальным рассредоточиться...

У крыльца уже сидел на корточках сержант Лазаренко. За его спиной маячил кто-то еще — кажется, Гулыгин, вечно мрачный, язвительный, потерявший в Можайске всю семью, включая двух несовершеннолетних детей.

— Товарищ лейтенант, в избе местные мужики в количестве трех-четырех человек, — прошептал сержант. — Баба была, но ушла. У них настроение праздничное, с чего бы? Смеются, шутят, матом кроют. Это не партизаны. Хотите дорогу у них спросить? Так я и сам могу показать...

— Помолчи, Лазаренко. Людей распределил?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Кто там за тобой? Гулыгин? Пошли в дом, остальные пусть держат ухо востро. Поговорим с сельчанами, посмотрим, чем они тут дышат...

Бойцы затаились в огороде — визуально и не поймешь, что это люди. Небо покрывалось серо-

стью. Рассвет в это время года — дело затяжное, муторное. Жизнь, казалось, теплилась лишь в одной избе. Остальная деревня помалкивала.

Глеб поднялся на крыльцо. Дверь, обитая войлоком, была не заперта. Шубин осторожно подал ее вверх, чтобы не скрипнула, приоткрыл. Четверо бойцов проникли внутрь. В сенях ступали мягко, чтобы не задеть развешанный инвентарь, составленные друг в друга баки и тазики. На гвозде висели березовые веники — видимо, в доме любили попариться. За дверью в горницу высилась большая русская печь, беленная известью. Электричество отсутствовало, горела керосинка. От печи исходило тепло — вовсе не повод расслабиться.

Шубин повернулся, сделал знак: на месте! Разведчики остановились. В горнице приглушенно беседовали люди.

— Слышь, Сергеич, — сипло бубнил один мужик, — поднимай народ, хватит дрыхнуть. Скоро немцы подъедут — встречать пойдем. Матрене я уже сказал, чтобы стол ломился — баба вроде правильная, все сделает, даст шумок, чтобы тащили свои заначки. Мы теперь тут власть, мужики, и надо вести себя грамотно, чтобы немчуря другую не назначила, а нас к стенке не поставила. Кто их знает, что у них на уме, у этих добродетелей. Но без нашей помощи они не справятся — должны понимать...

— Петрович, а ничего, что ты при большевиках председателем сельсовета был? — ухмыльнулся собеседник. — Тебя и поставят первым к стенке, а?

— А сам-то? Зоотехник хренов, в сельсовете народным избранником заседал — не чешется под лопаткой? Я месяц обязанности исполнял, а ты, считай, год штаны протирали, надои с обмолотами подсчитывал... Мы с тобой в партии не состояли, от парткома держались подальше, а нашего главного партийца Барыкина я бы первым кончил, кабы он не утек... Не нашли его, кстати?

— Нет его нигде, Петрович, всю деревню обошли. Ноги сделал, большевик проклятый.

— Ну, ничего, найдем. Так что помолчи, Сергеич. Немцы появятся на рассвете, чуйка у меня. Они дальше пойдут, на Клин, а мы здесь останемся и всех наших колхозников к ногтю прижмем. Припомним, кто тут в Красной армии служил, кто в партизаны идти агитировал, засады на немецкие колонны учинять... А пока буди, кто там еще не встал — лопаты в зубы, пусть дорогу дальше чистят. Там сугробы по шею, как немцы проедут? А им на Клин надо, на Солнечногорск. А через день-другой и Белокаменную возьмут... Толкни своего шурина, закемарил он чего-то, пока мы с тобой государственные вопросы решаем.

— Ага, Петрович, мигом сделаем. Эй, Санек, вставай, чего тебя развезло? — последовал звук оплеухи. Мужики смеялись, сновидец матерно выражался.

Немая сцена удалась. Шубин вышел из-за печки в круг света. Все трое опешили, грузный сельчанин с одутловатым лицом схватился за берданку, но замялся, не решаясь вскинуть. Двое сидели за столом, один зевал, очумело вращая глазами. Грузный мгновение назад сидел на подоконнике, а теперь мялся посреди горницы, напрягая глаза. Силуэт пришельца выделялся нечетко. Не угадаешь, кто такой — автомат за плечом, облачен во все белое, капюшон натянут почти на глаза. Проснувшийся мужик закашлялся, схватился за горло.

— Доброй ночи, господа! — каркнул по-немецки Глеб. Все понятно, но требовалось подтверждение. — Германская армия приветствует жителей освобожденной России!

Что-то другое в голову не пришло, но они и этого не поняли. Петрович вытянулся в струнку, задрал голову. В армии он служил, но очень давно. И неизвестно еще, в чьей армии! Остальные выскочили из-за стола. Коренастый Сергеич немело выбросил руку в фашистском приветствии, едва не врезав шурина по челюсти. У всех троих заблестели глаза. Там было все, что положено: робость, страх, предвкушение!

— Рады вас приветствовать, господин офицер... — забормотал Петрович, — милости просим, как говорится, на нашу гостеприимную землю. Мы представители местной гражданской власти, прогнали большевиков, вот вас ждем... Готовы служить Великой Германии, уничтожать большевистскую заразу...

— Ладно, кончаем цирк, — перебил Глеб. — Разведка 2-й Московской стрелковой дивизии, с чем вас, господа, и поздравляем.

На несостоявшихся предателей было жалко смотреть. Петрович дернулся, сделал попытку вскинуть берданку, но выступил вперед Гулыгин, двинул прикладом в челюсть. Петрович схватился за разбитую кость, отпрянул к подоконнику, берданка уплыла в чужие руки. Остальные испуганно закричали, шурин перевернул табуретку. Глеб схватил его за шиворот, хорошенько встряхнул и вложил всю мощь народного гнева в последующий удар. Шурин, падая, опрокинул стол, Глеб поморщился — что же ты так грохочешь, гражданин. Сергеич попятился к окну, чтобы выбить задом стекло. Лазаренко и Вербин бросились одновременно, схватили его за локти, Лазаренко не сдержался, двинул предателя в висок, и Сергеич распростерся на треснувшей столешнице.

Выслушивать исповеди не было резона. Глеб переглянулся с Гулыгиным, тот понял без слов —

кадровый военный, два месяца в разведке, правда, служил под началом других (геройски погибших). В руке мелькнул старенький «наган» с накрученным глушителем. Завизжал шурин Сергеича, стал вертеться, но получил пулю в грудь и упокоился с миром. Сам Сергеич прожил чуть дольше, успел рухнуть на колени и открыть рот. Пуля пробила черепную кость.

— Третьего не трогай, успеем, — опомнился Глеб.

Гулыгин пожал плечами, опустил наган, но далеко убирать не стал.

— Нет-нет, не стреляйте... — пустил слюни Петрович. — Вы нас не поняли, товарищи... Мы вовсе не ждем фашистов, мы будем с ними сражаться до последней капли крови — за нашу Советскую Родину, за товарища Ста...

— Заткнись! — процедил Глеб, предатель осекся на половине святого для каждого советского человека слова. — Кого ты уговаривать собрался? Мы все поняли. Сочувствуем, но своих благодетелей ты уже не дождешься.

— Не стреляйте, пожалуйста, — снова захрипел Петрович, — Христом Богом прошу, жизнью деток своих маленьких...

— Вот гад, про деток вспомнил, — сплюнул Гулыгин. — Товарищ лейтенант, вы уж разберитесь с ним, да кончать упыря надо. А то зажился он на этом свете.

Разговор не затянулся. Петрович ползал по полу, умолял дать ему шанс искупить вину. Его неправильно поняли! Он не собирался предавать Отчизну, хотел лишь втереться в доверие к немцам и начать священную партизанскую войну на захваченной территории!

Попутно Петрович давал ответы на вопросы. Население деревни — порядка семидесяти душ. Уехали человек двадцать, остальные остались, не поверив сказкам о зверствах фашистов. Бабы, старики, маленькие детки — большинству из них просто некуда идти. Мужиков дееспособного возраста — человек восемь. «Кружок активистов», которым поперек горла встала советская власть — это он, эти двое и еще Генка Харитонов, механизатор МТС, но хрен знает, где его носит. Решили до прихода немцев прибрать власть в деревне, да вот жалко — парторга не смогли взять, убег, зараза, вместе с женой и отпрыском. Хотели встретить немцев по-людски, показать, что русские люди всячески рады слиянию с Великой Германией... Подобные выкладки Петрович, разумеется, не выдавал, но додумать было нетрудно.

— Признавайся, откуда сведения, что немцы должны прийти?

— Так это... А как же еще? — бормотал Петрович. — Они же к Москве рвутся, супостаты проклятые, отродье басурманское... Обязательно придут, тут ведь одна дорога... Тишка Митро-

хин, сынок Матрены, вечером на хутор Собачий к бабке бегал, так на обратной дороге немцев засек... На мотоциклах они были — разъезд или разведка, не знаю... По лесу катались, дорожку протаптывали да по сторонам смотрели... К Глазову поехали, но там нет дороги — тупик, значит, вернуться и в нашу сторону двинут...

Это было похоже на правду. Немцы могли нагрянуть в любую минуту. Заваленная снегом дорога на восток их задержит ненадолго. Она не единственная, что ведет в Клин, но, по крайней мере, самая короткая. А читать советские топографические карты немецкие стратеги научились. И метод тыка тоже освоили. Клин фактически беззащитен, крохотный гарнизон и часа не продержится...

Глеб выразительно посмотрел на Гулыгина. Тот не стал уточнять, выстрелил предателю в сердце.

Разведчик задумался. Немцы могут вот-вот появиться, но это неточно. Есть ли смысл его группе идти на запад, учитывая, что скоро рассветет и даже в маскхалатах они не станут невидимками? Можно подождать колонну, устроить диверсию и, пока фашисты будут барахтаться в снегу, отойти к своим. А если немцы не придут?

Вечно голодный Вербин, паренек с изнеженным лицом и тонкими пальцами (но вовсе не задохлик, как могло показаться), забрался в рус-

скую печь и сделал разочарованное лицо. Еды в печи не было.

— К Матрене сходи, — посоветовал Лазаренко. — Она на всю германскую армию наготовила. Что же ты такой голодный-то, Вербин? Тебя проще убить, чем прокормить.

— Расту, — вздохнул разведчик и с лязгом закрыл заслонку. Почему-то вспомнилась Баба-яга, которую Иван-дурак загрузил в точно такую же печь.

В окно постучали.

— Товарищ лейтенант, к вам баба идет, — глухо сообщил ефрейтор Гончар. — Мы не стали ее останавливать, а то визгу будет...

Хлопнула входная дверь, кто-то обстучал валенки и двинулся в горницу.

— Вот и Матрена пожаловала, — хмыкнул Вербин, — чудо-повариха, сватья баба Бабариха...

— Эй, Петрович, вы чешетесь, али как? — произнес хриплый женский голос, его обладательница появилась в дверях — в меру упитанная, некрасивая, в короткой шубейке, голова обернута пуховым платком. Женщина испуганно застыла, округлив огромные глаза.

Убивать это нелепое существо слабого пола не стали. Даже Гулыгин как-то смутился и сунул наган за пазуху. Женщину связали, в рот сунули кляп — скомканную, дурно пахнущую ветошь. У бабы хватило ума не сопротив-

латься — женщины вообще соображают лучше мужиков.

— И что с ней делать? — почесал затылок Вербин.

— На бал с собой возьми, — фыркнул Гулыгин, а Лазаренко хищно оскалился.

— Не наша, конечно, забота, но сжечь бы эту деревню ко всем чертям, — проворчал Гулыгин. — Дотла, до последнего сарая, чтобы фрицам шиш достался, а не печка. Да и предателей тут навалом.

— Здесь не только предатели, — подметил Вербин. — А баб с детишками и стариками куда? На мороз? Не выживут ведь.

— А ты шире смотри на вещи, музыкант, — отрезал Гулыгин, — что важнее, то и делай. Немец в тепле отдохнет, выпится, а потом с полными силами так по нам ударит, что мало не покажется. И неизвестно, сколько стариков и детишек погибнет — уж не меньше, чем в этой деревне. Так что сравнивай, что да как. Или выступаешь против приказов нашего Верховного главнокомандования, а, музыкант?

— Да бес с тобой. — Вербин побледнел, быстро глянул на лейтенанта. — А ты, Гулыгин, не передергивай, я вообще не об этом говорил!

— Уймитесь, спорщики, — сказал Шубин. — Не наше это дело — деревни сжигать. До следующего вечера провозимся. Все, на выход.

— А бабу оставим? — насупился Гулыгин. — Развяжется же, тварь, сбежит.

— Да и шут с ней, — отмахнулся Шубин. — Куда она сбежит? Все ее подельники мертвые. Или почти все. Навстречу немцам побежит, платочком махать будет? Да они пристрелят ее и разбираться не станут. Ничего, окончится война, все получат по заслугам.

— Товарищ лейтенант, немцы едут, — постучал в окошко Гончар.

Он так буднично об этом сказал! Дернулись все, залязгали затворы.

— Их немного, товарищ лейтенант, — добавил Гончар. — Только мотоциклы — точно вам говорю, у меня слух музыкальный. Вы бы не выходили из дома-то? Сразу вас увидят. А мы вокруг хаты оборону зайдем на всякий случай.

— Бежим, товарищ лейтенант? — неуверенно предложил Лазаренко. — Можно через заднее окно — и в огород...

— Отставить, — бросил Глеб, — смыться успеем, не сбежит твой огород...

За окном уже светало. Как-то незаметно пробежало время. Вербин притушил керосиновую лампу, разведчики застыли у окна. Треск мотоциклетных моторов становился все явственнее. Возможно, это авангард неприятельского войска, будет прискорбно, если за этой «первой ласточкой» нагрянет вся армия. Но это мог быть и раз-

ведывательный дозор, оторвавшийся от основных сил...

Воздух светлел. Избы, заваленные снегом, проявлялись, как фантомы, из студеного воздуха. Мотоциклы шли по расчищенной дороге, растянувшись в колонну с четкой дистанцией. Немцы предпочитали не рисковать. Гостеприимность Подмосковья они уже познали. Над снежным валом у заборов плыли каски характерной формы.

Головной мотоцикл притормозил, пилот осмотрелся, задержал взгляд на избе, где прятались разведчики. Немного поколебался, потом поддал газа и покатил дальше. Мимо калитки проследовали четыре мотоцикла с колясками. В одной из них находился пулемет, в других — непонятно что, слишком быстро проехали.

Треск понемногу затихал. Застонала женщина. Бойцы уставились на связанное тело. Из полумрака поблескивали недобрые глаза.

— Лежите, барышня, — пробормотал Лазаренко, — получайте удовольствие, пока вас не убили.

По всей вероятности, мотоциклисты должны были вернуться, уткнувшись за околицей в снежный вал. Проехать там мог только танк или мощный вездеход.

Пилоты заглушили двигатели, и пару минут было тихо.

«Ругаются, — подумал Глеб, — что местные не подготовили дорогу к их прибытию». Но никто и не обещал, что здесь будет Париж. Колонна потянулась обратно, нарастал раздражающий стрекот. Снова в поле зрения появились все те же каски.

Головной мотоцикл остановился напротив калитки — пилот развернул машину поперек дороги. Мотоциклисты, панцергренадеры — мотопехота, предстали во всей красе: в длинных шинелях, до зубов вооруженные, под касками какие-то шапочки, чтобы не мерзли головы. Неудержимо светало, видимость улучшилась: на небритых солдатских лицах серебрился иней. Белели ресницы, брови. У пулеметчика замерзли сопки и висели под ноздрями, словно белые затычки.

Ствол пулемета проделал дугу и устоялся на крыльцо. Стрелок остался в коляске, двое других слезли и разошлись, сняв с плеч автоматы. Солдаты замерзли: сидевший сзади был даже без перчаток, одной рукой держал автомат, другую прятал за отворотом шинели.

— Вот скажите на милость, почему именно эта изба их привлекла? — расстроился Вербин.

— Потому что центральная и самая добротная. И печка в ней топится, — отозвался Глеб. — Могу привести еще пару доводов. Греться идут.

— Убираться не пора, товарищ лейтенант? — задумался Вербин.

— Ага, и бабу с собой возьмем, — хмыкнул Гулыгин, — и эту троицу усопших.

Назревали неприятные события. Глеб прислушивался, не подходят ли основные силы. Пока бог миловал. Подтянулись остальные мотоциклы, перекрыли дорогу. Морозный воздух разорвали каркающие команды. Снежный вал отчаянно мешал! Но неприятельским солдатам он также заслонял обзор.

В поле зрения показался офицер в звании обер-лейтенанта — молодцеватый, подтянутый. Он явно форсил, хотя замерз не меньше прочих, носил шинельку на рыбьем меху, тонкие тряпочные наушники под фуражкой, явно не рассчитанные на российскую стужу. Офицер осмотрелся, вытянув шею. По команде два автоматчика прошли на участок, разбежались и присели. Иней на лицах превращал их в жутковатых сказочных персонажей. Один укрылся за бочкой, другого устроил сугроб. В голове сразу же возник вопрос: пробьют ли пули сугроб?

Раздалась команда, и на участке появились еще двое, побежали по дорожке к крыльцу. Остальные остались на дороге, шелкали зажигалки — весьма сомнительный способ согреться. Справа, метрах в тридцати, на соседнем участке, отметилось движение — некто в масках прополз между раздвинутыми штакети-

нами. Шевелился кто-то еще, помогал товарищу. Приятно знать, что другая часть группы где-то рядом.

— Готовы встретить гостей, товарищи? — тихо спросил Шубин. — обойдемся без шума... во всяком случае, поначалу. Вербин, держи на мушке пулеметчика — его убрать в первую очередь.

Расклад был не в пользу разведчиков — двенадцать против восьми. Но откровенных неумех Шубин не отбирал. Даже среди ополченцев встречались способные ребята.

Немцы уже топали по крыльцу. Стучаться не стали, распахнули дверь. Загремел опрокинутый тазик. Немец что-то зло прокричал. В сенях было тепло, но солдаты рвались туда, где еще теплее! Нежданные гости возникли в дверях, возбужденные, с автоматами наперевес. Они спешили, инерция живого тепла тащила их в горницу. Здоровый фриц выпучил глаза, мотнул головой, едва не стряхнув с нее каску.

Картина так себе — мертвые тела сельчан, связанная женщина с кляпом во рту, какие-то смутные, а главное, вооруженные личности в маскировочных халатах...

Острое лезвие вошло под ребро, как нож в масло — немец поперхнулся, закашлялся. Нож рвал еще живые ткани, хозяйничал в чужом организме. Гулыгин выдернул лезвие и vareжкой заткнул фашисту рот.

Второй не успел ничего понять — Глеб ударил его прикладом в загривок ниже каски. Хрустнул шейный позвонок, солдат захлебнулся, потерял дар речи, Лазаренко с Вербиным приняли его на руки и аккуратно положили на пол. Гулыгин пристроил рядом своего, собрался вытереть лезвие о шинель мертвеца. Но передумал, задумчиво глянул на второго — тот еще подавал признаки жизни, конвульсивно вздрагивал. Гулыгин ударил его в сердце, немец вздрогнул и затих. Боец аккуратно вытянул нож, опасаясь обильного кровотечения, и только после этого вытер его о сукно.

— Погреться не удалось, — согласно прошептал Вербин.

Шубин приложил палец к губам, на цыпочках подошел к окну, пристроился за занавеской. Обер-лейтенант стоял у крыльца, ждал вестей от подчиненных и уже выказывал нетерпение. У него мерзли руки, он разминал пальцы в тонких кожаных перчатках. Офицер был молод и строен, имел правильные черты лица — истинный представитель великой расы! Он даже холод сносил стойко, хотя ничто не мешало ему утеплиться — в избах хватало зимних вещей!

Обер-лейтенант раздраженно скривил рот, вытянул шею, всматриваясь в черноту дверного проема. Увидел банные веники, удивился: на что это похоже? Наконец у него лопнуло терпение.

— Что там, солдаты? — прокричал он.

— Избушка, избушка... — прошептал Лазаренко и вопросительно глянул на командира. К комвзвода разведки личный состав относился нормально, но смущало одно обстоятельство — никогда не поймешь, что у Шубина на уме.

Выглянул немец из-за бочки, выжидающе уставился на офицера. Второй зашевелился за сугробом, высунул замерзший нос. Пулеметчик в коляске за оградой был невозмутим, как сфинкс, — видимо, уже окоченел.

— Все в порядке, обер-лейтенант! — хрипло выкрикнул Шубин. — Можно заходить!

Вряд ли офицер различал голоса своих подчиненных. Да и на морозе с голосом какие только метаморфозы не происходят. Офицер оживился, заблестели глаза. Он передумал доставать пистолет, взбежал на крыльцо и шагнул в сени. Вот же незадача, на этот раз не удалось сохранить тишину! Он быстро вошел в горницу, где было, мягко говоря, не прибрано...

У офицера прекрасно работало боковое зрение! Он уловил движение, ушел от удара, бросился обратно, но Шубин подставил ему подножку, и офицер покатился по полу, голося что есть мочи! Коршуном налетел на него Гулыгин, ударил прикладом в челюсть. Хрустнула кость, обер-лейтенант потерял сознание.

— Не убивать! — крикнул Глеб.

Все пришло в движение, забегали люди! Лазаренко прикладом разбил стекло, дал в огород раскатистую очередь. Немец оторвался от бочки и очень об этом пожалел. Пули прошли тонкую шинель, отшвырнули вояку к ограде.

Шубин стал рядом с сержантом, ударил по сугробу. Пули вздыбили спрессованный снег, устроили поземку. «Эксперимент» удался — пораженное тело вывалилось из-за сугроба, солдат судорожно держался за простреленный бок. Он попытался было ползти, но силы оставили его, и он скатился к ограде. На снегу заалела кровь, словно художник в отчаянии мазнул краской.

Свои не дремали: заняли позиции снаружи и открыли огонь после первого же крика. «ППШ» работали с двух сторон, обрабатывая весь участок деревенской дороги. Кто-то кричал, кажется, ефрейтор Гончар: мотоциклы не уродовать!

Пулеметчик в коляске дал короткую очередь, но быстро закончил — повалился носом вперед. Кровь текла на землю по стальному ободу. В момент атаки солдаты курили и к смерти не готовились. Они уже предвкушали отдых в отапливаемом помещении, смеялись, острили.

Перекрестный огонь посеял панику. Двое повалились замертво. Третий присел за мотоциклом, выдернул из-за пояса гранату. Его свалил прицельным выстрелом красноармеец Карабаш — еще один вчерашний студент. Неисполь-

зованная граната покати́лась по растоптанному снегу.

Трое беспорядочно стреляли в разные стороны. Двум сразу не повезло, пули разбросали их по проезжей части. Последний, в звании ефрейтора, оказался самым хитрым, пустился наутек. Он петлял, как заяц, успешно увертывался от пуль. Потом покати́лся за сугроб за оградой.

Поднялся красноармеец Лапштарь — бывший шахтер из Кузбасса, позднее рабочий на трубопрокатном заводе, — бросил гранату. Рука у мужика была крепкая, мозолистая, но не добросил — боеприпас взорвался с недолетом. Немец ногами выбил штакетник, кинулся на участок. Лапштарь бросился исправлять ошибку, немец обернулся, дернулся автомат. Лапштарь поскользнулся, разбил нос, но в остальном не пострадал. У немца имелся шанс, но наперерез уже бежал Левашов, подхватил с земли бесхозную «колотушку», пехотную гранату с удлиненной рукояткой, отвинтил колпачок, дернул за выпавший шнурок и бросил гранату в огород. Сам кинулся за повернувшийся мотоцикл, избегая осколков. Немец далеко не уполз, граната порвала его, как огородное пугало...

— Товарищ лейтенант, мы закончили! — разнесся над деревней молодецкий крик Сани Левашова. — Выходите, стрелять не будем! У вас все целы?

Шубин выбежал в сени, запнулся о треклятый тазик, отшвырнул его ногой, прыгнул с крыльца. На западной окраине деревни храбро гавкала собака. Мирные жители из домов не выходили — поди разберись, что произошло и кто с кем дрался.

Он припустил по дорожке. За бочкой валялся мертвый пехотинец. Его товарищ, подстреленный за сугробом, еще не расстался с жизнью, рыл снег скрюченной конечностью. Шубин успокоил его точным выстрелом в голову и кинулся за калитку.

Азарт охватил его — верный спутник в подобных ситуациях. Порой закрадывалась мысль: «Кончится война, разобьем немца, как ты будешь жить без всего этого?»

Представшее взгляду зрелище полностью удовлетворяло: дорога залита немецкой кровью, свои все целы, не считая разбитого носа у Лапштаря. Боец обиженно надувал щеки, прикладывал снег к пострадавшему лицу.

— Эх, Коля, Коля, — качал головой Гончар, пряча ухмылку, — вечно с тобой истории. Вот скажи, чего ты испугался? Надо же, немец в него выстрелил...

— Никого не осталось? — спросил Шубин.

— Двенадцать их было, товарищ лейтенант, — отчитался Левашов, — включая офицера. Всех угостили, другие пока не подошли.

Ключевое слово — «пока». Дорога в западном направлении была пуста, убегала за деревню, карабкалась на лесистый холм.

— Левашов, Гончар, садитесь на мотоцикл — и туда. — Глеб показал, куда именно. — Раз эти проехали, то и вы проедете. Прояснить обстановку к западу от деревни. Под огонь не лезть. Далеко не уезжать, пара километров — и хватит. Обнаружите неприятеля — пулей назад. Мне нужно минут пятнадцать.

— Ясно, товарищ лейтенант, сделаем вам пятнадцать минут! — Гончар подбежал к ближайшему мотоциклу, у того вхолостую работал мотор, забрался за руль. Со смехом «хорошо, что не пешком» подбежал Левашов, забрался в коляску.

— Куда вы с лыжами, дурачье? — проворчал Лапштарь. — Здесь оставьте, не украдем.

Мотоцикл укатил, выбрасывая синеватый дым. Что-то подсказывало: неприятности не за горами. Но требовалось время — допросить офицера и добежать до восточной околицы. Шубин бросился в дом — и вовремя: Гулыгин, поигрывая ножом, с растущей неприязнью поглядывал на пленного. Он же не железный!

Обер-лейтенант не отличался смирением, смотрел презрительно и высокомерно. И эта война взглядов могла закончиться очередным кровопусканием. Обер-лейтенант тяжело дышал, лежал на боку, привалившись к стене. Он немного уди-

вился, когда севший рядом русский вдруг заговорил на немецком языке:

— Боюсь, у нас мало времени, господин обер-лейтенант. Вам сегодня не повезло, вы встретились с советской разведкой, и в этой связи приношу глубокие сочувствия. Для вас война окончена, и жизнь, собственно, тоже. Мы не намерены тащить вас пятнадцать километров. Вы должны это ясно понимать. Но смерть смерти рознь. Можно умереть быстро и почти безболезненно. Или предпочтете мучительные страдания с поэтапным нанесением тяжелых ранений? Посмотрите на человека с ножом — поверьте, его не придется упрашивать. Мне нужны ответы на вопросы, после чего обещаю вас не мучить. Для начала представьтесь.

Для обер-лейтенанта все закончилось как обухом по голове. Он не был трусом, но умирать сегодня не планировал. Пришлось смириться с неизбежным. На месте русского он поступил бы точно так же. Немец заговорил скрипучим голосом, морщился — болела изувеченная челюсть.

Его звали Адам Рихтер, он командовал разведывательной ротой 316-го мотопехотного полка, входящего в моторизованный корпус в составе 3-й танковой группы. Корпус двигался на Клин, преодолевая упорное сопротивление Красной армии. Вчера вечером подразделения корпуса захватили село Маслово, разбив окопавшийся за селом

стрелковый батальон. Танковые клинья расползлись в восточном и южном направлениях. Основной удар намечается на юго-восток. Это Клин и Солнечногорск. Немецкие части потрепаны, но еще полны сил и решимости. Пару дней назад корпус под командованием генерал-майора Фридриха Ларке получил из резерва два десятка новых танков «Т-4» и дивизион самоходных орудий. Основные силы корпуса выдвигаются к Клину, который планируется взять с ходу, а дальше развивать наступление в сторону Лобни, Красной Поляны и канала Москва — Волга. По данным немецкого командования, силы Красной армии разрознены и вряд ли сдержат натиск. Клин обороняют несколько сотен русских солдат, большинство из них — так называемое народное ополчение. Это не помеха, город обречен. Следом — Солнечногорск, затем северная окраина русской столицы...

— За моей спиной два полностью укомплектованных моторизованных батальона, танковый полк и дивизион штурмовых орудий... — с тоном превосходства выдавливал из себя Рихтер. — Уже сегодня вечером они выйдут к вашему Клину, и к утру город будет взят... То, что вы получите эти сведения, вам не поможет — вы обречены. Никому еще не удавалось долго сопротивляться германской военной машине... Будь у вас хоть капля благоразумия, вы бы давно сдались и не плодили эти многочисленные жертвы... Но ваша на-